

Тань Юмин немного успокоился. Весь день он держал всё в себе, строил догадки, задавал себе вопросы. И только сейчас, благодаря Шэнь Цзунняню, ему стало чуть легче.

Шэнь Цзуннянь открыл дверь, достал ему хлопковые тапочки, подготовил пижаму, набрал ванну и подтолкнул его к ванной комнате:

— Иди помойся. Как выйдешь — будем есть.

Тань Юмин всё еще пребывал в прострации. Когда он вышел, Шэнь Цзуннянь уже подогрел кашу. Увидев, что у того волосы лишь наполовину сухие, он даже ругаться не стал — просто взял фен и сам высушил ему голову.

Тань Юмин потер лицо и, привалившись к его животу, позволил делать с собой всё, что угодно. Его сознание всё еще витало где-то далеко, но глаза вдруг зацепились за рану на тыльной стороне ладони Шэнь Цзунняня. Словно напуганная птица, он мгновенно пришел в себя:

— Как ты поранился? Когда?!

В нем вспыхнуло раздражение. Почему так сложно сделать так, чтобы с близкими всё было в порядке?! Пусть все эти травмы и болезни катятся ко всем чертям из его мира!

Тот отломившийся кусок благовония постоянно пытал Шэнь Цзунняня, словно дурное предзнаменование. Он не хотел заострять на этом внимание:

— Случайно вышло. Не заметил.

Увидев его равнодушное отношение, Тань Юмин тут же взорвался:

— Так, может, ты, блядь, начнешь обращать внимание?!

В детстве стоило подуть ветру — Тань Юмин боялся, что тот замерзнет. Шел дождь — Тань Юмин боялся, что тот промокнет. Каждая поездка в семью Шэнь заканчивалась страхом за его здоровье. А этот человек смеет так к себе относиться!

Заметив его острую реакцию, Шэнь Цзуннянь нахмурился и сказал:

— Мне не больно.

Тань Юмину было плевать, больно ему или нет. Он крепко обхватил его руку обеими руками и принялся внимательно разглядывать. Ожог был средних размеров, и на вздувшихся венах смотрелся довольно жутко. А тот факт, что Шэнь Цзуннянь еще и возился в воде, готовя еду, только усугубил ситуацию.

Тань Юмину было до смерти обидно. Он сердито спросил:

— Где аптечка?

— Иди ешь. Я сам всё сделаю, — Шэнь Цзуннянь попытался выдернуть руку, но Тань Юмин вцепился в нее мертвой хваткой и холодно повторил:

— Где аптечка.

Они несколько секунд смотрели друг другу в глаза. В итоге Шэнь Цзуннянь сдался:

— Второй ящик в шкафу справа.

Тань Юмин бросил ужин, нашел аптечку, опустился на корточки перед Шэнь Цзуннянем и, аккуратно придерживая его ладонь, обработал рану, нанес мазь и наклеил водонепроницаемый пластырь.

На душе у Тань Юмина было паршиво. Лицо оставалось холодным, движения — осторожными. Но он и не подозревал, что на самом деле у Шэнь Цзунняня гниет не рука, а сердце.

Тань Юмин проявлял к нему бесконечную заботу и осторожность. Крепко сжимая кончики его пальцев, он хотел закричать и потребовать: «Можешь ли ты впредь быть хоть немного внимательнее к себе?!». Хотел сказать, что сорвался не со зла, что на самом деле ему просто страшно... Он много чего хотел сказать. Но, перебрав всё в голове, выдал лишь одну беспомощную фразу:

— Шэнь Цзуннянь, не смей получать травмы.

Сердце Шэнь Цзунняня сжалось. Он ответил:

— Угу.

Тань Юмин наконец-то поднял на него глаза. Его взгляд был горящим, искренним и открытым:

— И не болей.

Шэнь Цзуннянь снова согласился.

Словно его обещание могло гарантировать, что он сможет это исполнить.

Закончив с перевязкой, они сели ужинать. Тань Юмин сел не напротив, а рядом, так, что их колени соприкасались. Вся еда казалась безвкусной.

Поскольку Шэнь Цзунняню нельзя было мочить руки, Тань Юмин взял уборку на кухне на себя. Без привычки он возился долго и неуклюже. Шэнь Цзуннянь стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на его рассеянную спину. Его красивые брови постепенно сдвигались к переносице.

Кое-как покончив с посудой, Шэнь Цзуннянь пошел в свою комнату принять душ. Открыв

дверь, он вздрогнул от неожиданности. Тань Юмин ждал его, прислонившись к стене. Свет был выключен, и бледные отсветы ложились на профиль Тань Юмина, подчеркивая застывшую на лице печаль.

Шэнь Цзуннянь посмотрел на него и намеренно спросил:

— Решил меня напугать?

— Учусь у тебя.

Шэнь Цзуннянь постоянно появлялся бесшумно, как призрак, от чего Тань Юмин не раз вздрагивал. Тань Юмин молча взял его за руку, стянул одноразовую перчатку и внимательно проверил, не попала ли вода.

Шэнь Цзуннянь еще не успел одеться. На нем было лишь полотенце, обернутое вокруг бедер. Капли воды стекали с плеч на живот. У него дернулся кадык. Он забрал руку и сказал:

— Всё в порядке.

Оставшись с пустыми руками, Тань Юмин взял халат, развернул его и скомандовал:

— Быстро надевай.

Словно у Шэнь Цзунняня обе руки были сломаны, и он не мог справиться сам.

Шэнь Цзуннянь несколько секунд смотрел на него, мысленно вздохнул и поднял руки.

Шэнь Цзуннянь обладал крепким здоровьем, и на следующий день его рана уже начала затягиваться. Зато тот, кто настойчиво требовал не болеть, слег сам.

Из-за бессонной ночи и внезапно наступивших возвратных весенних холодов температура у Тань Юмина поползла вверх. Сам он этого даже не заметил. Весь день он провел в корпорации «Пинхай» — совещания, согласования, отчеты. Вечером за ним заехал Шэнь Цзуннянь. Тань Юмин потянулся к нему в карман за телефоном, но тот резко перехватил его за запястье. Шэнь Цзуннянь нахмурился:

— Что происходит?

Тань Юмин растерянно моргнул:

— А что?

Шэнь Цзуннянь приложил ладонь к его лбу, лицо его стало суровым:

— У тебя температура, а ты даже не замечаешь?

— Правда? — этот бестолковый парень потрогал свой лоб. — Да вроде ничего такого.

Шэнь Цзуннянь не стал тратить время на разговоры. Он снял машину с ручника, нажал на газ и помчался напрямиком на Цзошидэн-роуд.

— Примешь горячий душ, поешь и выпьешь лекарство.

Весь день в компании он продержался на адреналине, но стоило вернуться домой, как Тань Юмин наконец почувствовал, насколько ему плохо. Голова раскалывалась, перед глазами всё плыло, а дыхание обжигало губы.

Шэнь Цзуннянь измерил ему температуру, вскипятил воду, дал таблетки, положил на лоб холодный компресс и подоткнул одеяло. Дождавшись, когда дыхание Тань Юмина выровняется, он выключил свет и вышел.

Белые венки, скорбные песнопения, мерцающие в полумраке синие огоньки свечей. В траурном зале полно людей.

За карнизом надрывно, до хрипоты кричат цикады.

Но ведь сейчас ранняя весна. Откуда взялась цикадам?

Подошла очередь Тань Юмина воскурить благовония. Он зажег их, поклонился. Кто-то подошел сзади и утешающе похлопал его по плечу. Тань Юмин обернулся — это была Цзэн Ни. Она смотрела на него с нежностью и состраданием.

Тань Юмин остолбенел. Разве это не её похороны? Если Цзэн Ни стоит рядом с ним, то кто тогда лежит в гробу?

Он резко перевел взгляд на огромный портрет в центре зала. Зрачки его сузились, сердце пропустило удар.

Эти прямые черные волосы, эти красивые, выразительные брови... Это же была—!

Тань Юмин резко проснулся. Сердце колотилось как бешеное. Он тяжело хватал ртом воздух. В горле словно вспыхнул пожар, в голове гудело, в ушах звенело. В панике он потянулся к стакану на прикроватной тумбочке, но рука дрогнула. Стакан с грохотом опрокинулся, залил всё водой.

Не успел он прийти в себя, как дверь снаружи распахнулась. Шэнь Цзуннянь включил свет, оценил мокрую кровать и подошел, чтобы поднять стакан.

Тань Юмин смотрел на него остекленевшим, потерянным взглядом. Шэнь Цзуннянь присел на корточки у кровати и ровным голосом произнес:

— Всё в порядке.

Тань Юмин не ответил. Шэнь Цзуннянь повторил:

— Всё в порядке.

Постель и тапочки вымокли. Шэнь Цзуннянь догадался, что ему приснился кошмар. Не задавая лишних вопросов, он сказал:

— Перебирайся спать в мою комнату.

Он мысленно ругал себя. Не следовало уходить, когда тот уснул. Ради надежности нужно было подежурить хотя бы одну ночь.

Тань Юмин не двигался. Он неотрывно смотрел на мокрое одеяло, сдвинув брови. Казалось, он всё еще балансирует на грани сна и яви, пытаясь найти логику в своем кошмаре.

Вода продолжала впитываться в простыню, но Тань Юмин так и сидел неподвижно. Тогда Шэнь Цзуннянь просто подхватил его на руки, отнес на свою кровать и дал попить теплой воды.

Тань Юмин всё еще был не в себе. Шэнь Цзуннянь вытер ему губы, а затем протер полотенцем взмокшие от пота спину и лоб.

Тань Юмин лежал на том самом месте, где обычно спал Шэнь Цзуннянь. Закинув руку на лоб, он тяжело дышал. Мысли его блуждали где-то далеко.

Шэнь Цзуннянь заметил его нахмуренные брови. Его интуиция подсказывала, что сейчас всё было совсем не так, как во время прошлых болезней. Он знал Тань Юмина слишком хорошо. Положив руку на его всё еще горячий лоб, он мягко спросил:

— Всё еще плохо?

Глаза Тань Юмина дрогнули и наконец сфокусировались:

— Что?

Шэнь Цзуннянь заговорил мягче, чем обычно:

— Я спрашиваю: тебе всё еще плохо?

Таблетки выпиты, вода выпита, пот вытерт, руки и ноги согреты. Тань Юмин посмотрел на Шэнь Цзунняня и с некоторой досадой признался:

— Да.

Он и сам не понимал, что с ним происходит. Как ему мог присниться такой жуткий сон?

Шэнь Цзуннянь впервые почувствовал себя немного беспомощным. Помолчав секунду, он поднялся, подошел к шкафу, достал оттуда кое-что и вложил Тань Юмину в руки.

— Обнимешь — станет легче, — тихо произнес он.

Внимание Тань Юмина и правда переключилось:

— А разве ты его не выбросил?

Шэнь Цзуннянь промолчал.

Эту плюшевую панду Тань Юмин привез из школьной поездки по материковому Китаю, когда учился в средней школе.

Шэнь Цзуннянь не мог покинуть Хайши из соображений безопасности. В те дни он получал от Тань Юмина по восемьсот сообщений в день с детальным отчетом обо всем происходящем.

□Шэнь Цзуннянь, сегодня мы идем в музей.□

□Шэнь Цзуннянь, смотри! Солнечные часы.□

□Шэнь Цзуннянь, после обеда едем в древний город, останемся там на ночь.□

□Шэнь Цзуннянь, купил тебе рисовые лепешки с коричневым сахаром. Похоже на пудинг боцзайго, но более мягкие и тягучие. Вернись — сам попробуешь.□

□Шэнь Цзуннянь, у меня отваливаются ноги.□

□Шэнь Цзуннянь, этот Чжао Шэнгэ вообще больной. Дрыхнет по одиннадцать часов в сутки, мы из-за него чуть на лодочную прогулку не опоздали.□

□Шэнь Цзуннянь, сегодня идем в зоопарк.□

□Шэнь Цзуннянь, это настоящая панда!!□ (прикреплено фото).

□Шэнь Цзуннянь, какая милая. Какая огромная!□

□Шэнь Цзуннянь, смотри, Чжао Шэнгэ опять спит.□ (прикреплено фото: лев, жмурящийся на солнце).

«...»

Затем прилетело фото стаи волков. Тань Юмин обвел самого переднего, который скалил зубы:

□Шэнь Цзуннянь, ну чего ты такой злой?□

На все эти восемьсот сообщений Шэнь Цзуннянь мог ответить лишь одним, невероятно холодным:

□Где мой школьный значок?□

□Ой, ну ты же не поехал, вот я его и нацепил. Будем считать, что ты тоже здесь. стикер с сердечком и розой□

□...□

□А, и твою теннисную рубашку можешь не искать, я в ней. Твоя мне велика, в ней удобно.□

Она отлично подходила на роль «боевых доспехов». Днем ему предстояла решающая битва с теннисной командой другой школы.

Чжо Чжисюаня Тань Юмин довел до белого каления. Шагу ступить не давал, заставляя постоянно его фотографировать. Чжо Чжисюань злился, но терпел. В конце концов, он спросил, зачем всё это. Тань Юмин ответил, что отправит фото Шэнь Цзунняню.

«...»

Закончив тренировку по боксу, Шэнь Цзуннянь открыл телефон. Пятьдесят восемь фотографий.

Тань Юмин был душой компании. Все крутились вокруг него, а он обожал помогать другим. У него всегда было всё, что забыли остальные: спрей от комаров, лекарства от простуды, пластыри... Вещи ему собирал Шэнь Цзуннянь.

Шэнь Цзуннянь пару секунд посмотрел на селфи, где Тань Юмин сиял своими клычками в обнимку с Чжо Чжисюанем. А затем привычным движением откадрировал фото, обрезав Чжо Чжисюаня.

Тань Чуншань вытер пот и подошел ближе. У него защемило сердце. В одном и том же возрасте его сын беззаботно путешествовал по стране, а этому ребенку из семьи Шэнь приходилось нести на себе такой тяжелый груз.

Но выбора не было.

Тань Чуншань лично обучал Шэнь Цзунняня боксу, стрельбе и фехтованию. Мальчик обладал поразительной выдержкой, был решителен в действиях и невероятно терпелив. Тань Чуншань немного подумал и сказал:

— Цзуннянь, в следующий раз мы поедем смотреть на панд всей семьей.

Шэнь Цзуннянь покачал головой:

— Всё в порядке. Спасибо, дядя.

Тань Чуншань сжал его плечо и мысленно вздохнул.

Вернувшись в Гонконг, Тань Юмин привез две одинаковые плюшевые панды. Одну забрал себе, другую велел Шэнь Цзунняню поставить у кровати. Шэнь Цзуннянь сделал вид, что не услышал.

Панда, пролежавшая всё это время в шкафу, выглядела куда новее той, что пылилась у Тань Юмина на тумбочке. Она впитала в себя слабый аромат вещей Шэнь Цзунняня. Если принюхаться, можно было уловить едва заметный свежий запах лимона.

Тань Юмин с досадой уткнулся лицом в живот панды и начал теревить её за уши. Он не знал, как признаться Шэнь Цзунняню, что в своем сне видел, как на той траурной фотографии появилась его собственная мать.

Шэнь Цзуннянь не торопил его. Он просто ждал.

Спустя довольно долгое время в темноте раздался приглушенный голос Тань Юмина:

— Мне приснилось то, что было днем...

Он ненавидел говорить о плохих приметах, поэтому, нахмурившись, перефразировал:

— Я подумал... Если бы я оказался на месте Се Чжэньлиня, я даже не знаю, как бы я это пережил.

Эти слова подействовали на Шэнь Цзунняня как ушат холодной воды. Только сейчас он осознал, что произошедшее потрясло Тань Юмина гораздо сильнее, чем он думал.

Сердце Тань Юмина всё еще колотилось от страха:

— Если бы это был я—

— Этого не случится, — у Шэнь Цзунняня дернулся кадык. Он перебил его: — Тань Юмин.

— А?

— С тобой этого не случится, — голос Шэнь Цзунняня звучал твердо и решительно, словно он давал клятву. — Ты — не он.

Тань Юмин перевернулся, придвинувшись ближе. У каждого из них были свои мысли.

— Это первый раз. Впервые в жизни я почувствовал, что смерть так близко.

Обычно об этом не задумываешься. Но когда у кого-то из твоих ровесников умирают родители,

внезапно осознаешь: твои собственные родители тоже уже не молоды.

Это как увидеть трещину в первой несущей стене. Никто не знает, когда рухнет вторая, и какая именно это будет стена.

Если подумать, Се Чжэньлинь был даже на пару лет младше него.

Шэнь Цзуннянь плотно сжал губы. Он мог пообещать Тань Юмину, что сам не поранится и не заболеет. Но он не мог гарантировать жизнь, здоровье и безопасность его близким. Единственное, что мог сделать Шэнь Цзуннянь — это минимизировать влияние человеческого фактора. Взять себя в руки и не стать тем самым камнем, который обрушит эту высокую стену.

— Тань Юмин, с тобой такого не случится. Я обещаю. Не накручивай себя.

— Закрой глаза и спи.

Тань Юмин придвинулся еще ближе. Он подумал, что к счастью у него есть Шэнь Цзуннянь. Даже если этот день когда-нибудь настанет, Шэнь Цзуннянь всегда будет рядом.

Успокоившись, Тань Юмин уснул. А вот человек рядом с ним не сомкнул глаз до самого утра.

На следующий день температура у Тань Юмина так до конца и не спала, поэтому оба остались работать из дома.

Когда пришла экономка, чтобы приготовить обед, она заметила, какой вялый у Тань Юмина вид. У нее защемило сердце. Немного подумав, она всё же позвонила Гуань Кэчжи. Сердце матери всегда не на месте, да и сама экономка видела, как Тань Юмин рос. Редко он бывал таким поникшим.

Родив абсолютно здорового ребенка, Гуань Кэчжи почти никогда не имела возможности проявить себя в роли заботливой наседки-матери. Заявив, что такой шанс выпадает редко, она решила заехать проведать сына по пути по своим делам.

Тань Юмин поел с любовью приготовленный экономкой обед, а Шэнь Цзуннянь тем временем помог ему закончить пару срочных документов. К моменту приезда Гуань Кэчжи Тань Юмин уже почти пришел в норму.

Дверь открыл Шэнь Цзуннянь. Гуань Кэчжи тут же направилась в комнату Тань Юмина. Шэнь Цзуннянь замешкался на долю секунды, а затем остановил её и негромко произнес:

— Тетушка Гуань, он в моей комнате.

Гуань Кэчжи молча развернулась и сменила направление. Тань Чуншань, шедший на полшага позади, перехватил взгляд Шэнь Цзунняня.

Их взгляды встретились буквально на секунду. Тань Чуншань подошел, положил руку ему на спину и сказал:

— Пойдем, мы тоже зайдем.

<http://bllate.org/book/17117/1607492>